

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

Путеводитель по городу Каракиса

Имя архитектора Каракиса вряд ли знакомо широкому читательскому кругу, но в архитектурной среде сохранилась о нем добрая память. Был Иосиф Юльевич Каракис выдающимся архитектором, которым по праву может гордиться Украина, да и города за ее пределами — на просторах бывшей огромной страны.

Но главный корпус его архитектурных шедевров сосредоточен в Киеве, где с начала 30-х годов прошлого века он во многом придал древнему городу конструктивистский характер, тактично вписывая свои урбанистические постройки в сложившиеся исторические архитектурные пространства.

Тем интереснее и ценнее книга Олега Юнакова "Архитектор Иосиф Каракис", вышедшая в Нью-Йорке, в издательстве "Алмаз", в 2016 году. Большой том, более 500 страниц альбомного формата с огромным количеством изобразительного материала — тысячи фотографий — и не менее вышительным реестром ссылок на различные источники и имена упомянутых в книге людей (только этот список занимает более десяти страниц, набранных уборым шрифтом!). Это и семейные фотографии из архива зодчего, и архивные документы — справки, постановления и прочее, но главное — фотографии жилых и общественных зданий, сохранившихся и разрушенных войной; проектов, воплощенных в жизнь и отвергнутых меняющимися с ходом времени властями. Как каждый достойный архитектор, Иосиф Юльевич Каракис был блестящим мастером акварельной живописи. И его акварели — дополнительные штрихи к тому или иному проекту — отмычки, перспективы, а часто пейзажные зарисовки вносят в книгу Олега Юнакова лирическую ноту.

Написать об этой книге меня, безразличного к судьбе культурного наследия, побудил и свой, я бы сказал, "лирический" повод.

Иосиф Каракис родился в Балте в 1902 году. Моя мать родилась в Балте в 1908 году.

Не раз, будучи корреспондентом газеты, я приезжал в Балту, пытаясь представить, воссоздать в своем воображении ту еврейскую Балту, о которой писал Багрицкий: "Балта — городок приличный, городок что надо. Нет нигде румяней вишни, слаще винограда...". Признаюсь: не удавалось.

Еще одна встреча с легендарной Балтой, где родился замечательный архитектор, вышедший, как и моя мать, из "среднего" класса, из тех, на ком держалось процветание Балты.

И еще. С юности испытывал восторг при встрече с наследием конструктивизма: в архитектуре или скульптуре — братьев Весниных и Владимира Татлина, в книжной графике — Эль Лисицкого. Среди выдающихся конструктивистов был одессит Яков Чернихов, окончивший наше художественное училище. Но, к сожалению, Одессе не повезло, конструктивизм практически прошел мимо нашего города. Тем интереснее его наследие недалеко от нас.

Итак, человек, которому посвящена замечательная книга Олега Юнакова, Иосиф Юльевич Каракис (29 мая 1902, Балта — 23 февраля 1988, Киев). Короткая черточка между двумя датами включила 86 лет жизни и творчества, в котором было много осуществленных замыслов и не короткий список неосуществленного — думаю, легко догадаться — не по вине автора. Его судьба, судьба его поколения тесно связана со всеми "тектоническими сдвигами" XX века.

Раннее детство в Балте сменилось ученичеством в Винницком реальном училище и первым приобщением к искусству — вечерними классами рисунка, очевидно, столь профессиональными, что уже в 1918 году, в 16 лет, он работает в винницком театре художником-декоратором.

Гражданская война. Доброволец в Красной армии. В 1922 году уже в Киеве учится на юриста, но через год переходит в Киевский художественный институт, на факультет живописи. И только в 1925 году находит себя и свое будущее — с третьего курса живописного факультета переводится на первый курс архитектурного. Так вкратце выглядит предыстория.

Олег Юнаков вводит в начало профессии: "Доктор архитектуры, заслуженный архитектор Украины и почётный академик архитектуры Юрий Асеев писал: "Учителя Иосифа Каракиса являлись видными зодчими. Академик А.М. Вербицкий, один из основателей высшего архитектурного образования в Украине, говорил: "Профессия архитектора — это стиль жизни, где нет второстепенного, все главное..." Это стало девизом профессиональной деятельности И.Ю. Каракиса". Юрий Сергеевич Асеев сам был учеником Каракиса, но о нем — дальше.

И всё же, наверное, самыми важными и

плодотворными уроками для студента Каракиса были уроки Владимира Татлина, на долгое время ставшего профессором Киевского художественного института, одного из лидеров искусства авангарда, родоначальника конструктивизма, который считал необходимым "ставить глаз под контроль осознания". Пусть не упрекут меня в одессацентризме, но как не сказать, что Владимир Татлин учился в Одессе? Правда — в мореходной школе.

И начинал Иосиф Юльевич первые самостоятельные шаги в архитектуре с конструктивизма, и старался не изменить ему даже тогда, когда весь авангард и конструктивизм в частности были преданы официальной анафеме.

Прочитав эту книгу, понимаешь, каким огромным талантом, самоотдачей, масштабным мышлением обладал Иосиф Юльевич Каракис. Создается впечатление, что всё, им построенное, спроектированное и не по его вине не осуществленное, будь собрано в одном пространстве, составило бы город — с жилыми домами, общественными зданиями, даже гигантской ГЭС. Все это, если бы сам

архитектуры Украины, но гораздо шире. В книге "Советская архитектура за 50 лет" из всех новостроев Украины тридцатых годов была помещена фотография жилого комплекса, упомянутого выше. А через полвека этот комплекс И. Каракиса оказался в числе нескольких украинских объектов, представленных в книге Ричарда Папе "The Lost Vanguard: Russian Modernist Architecture 1922 — 1932", изданной в Нью-Йорке в 2007 году.

На некоторых сооружениях молодого архитектора появились гораздо позже доски "Памятник архитектуры УССР". Так на смену киевскому модерну начала прошлого века пришел конструктивизм. Увы, ненадолго. Но остался как ярчайшая страница в истории архитектуры Украины. И заслугу в этом Иосифа Каракиса трудно переоценить, особенно — прочитав книгу О. Юнакова.

Советская власть и война уничтожили одно из творений Иосифа Каракиса с нелегкой судьбой еще в процессе строительства — здание Еврейского театра. "В процессе проектирования архитектор разработал четыре

решения: "Продранный талес, обрывки Талмуда, ключья размытых дождей паспортов...". Самым подробным образом Олег Юнаков пишет историю борьбы многих людей за сохранение памяти о трагедии Бабьего Яра. Дочь Иосифа Юльевича — архитектор Ирма Каракис — вспоминала, как проходило обсуждение одного из проектов ее отца Мемориала Бабьего Яра в 1965 году: "Запомнилось яркое эмоциональное выступление писателя Виктора Некрасова. Но особенно потрясло меня выступление кинорежиссера Параджанова, который, сняв с руки часы, объявил минуту молчания в память о том, что произошло в Бабьем Яру. В наступившей гробовой тишине зала начались массовые рыдания родственников погибших..."

Виктор Платонович Некрасов учился в 30-е годы на архитектурном факультете у Каракиса. Может, уроки конструктивизма привнесли позже в его прозу такую упругую строгость? Проект Иосифа Каракиса, хоть и вызвал одобрение жюри, утвержден не был. Вокруг Бабьего Яра опять "глухота паучья" (О. Мандельштам). "Через 35 лет после расстрела, — пишет Олег Юнаков, — памятник был создан другим скульптором. Без напоминания о том, что большинство расстрелянных были евреями. Надпись на памятнике красноречива: "Здесь в 1941 — 43 годах немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны свыше ста тысяч граждан города Киева и военнопленных". Без комментариев.

Я уже упоминал здесь доктора архитектуры Юрия Асеева, как и Виктор Некрасов, учившегося в 30-е у Каракиса, которого Олег Юнаков неоднократно цитирует в своей книге. Мы были знакомы с Юрием Сергеевичем. Он бывал у нас в Одессе. Мы ездили с ним в древний Аккерман, а в 1975 году Юрий Сергеевич предложил поехать в Кирилловскую церковь, посмотреть работы Врубеля. Не доходя до церкви, Юрий Сергеевич повел нас к какому-то заросшему, запущенному оврагу. Остановился. Молчал. Мы смотрели на него с удивлением. Он сказал только два слова: "Бабий Яр". Мы немели...

И вновь — "одесский сюжет". В борьбе за то, чтобы Бабий Яр стал памятным местом всего европейского еврейства, участвовал одесский архитектор Евгений Ильич Оленин. С 1991 по 2001 год он разработал и осуществил проект "Дорога смерти" — комплекс, начинающийся в сквере Хворостина и завершающийся в селе Богдановка, на месте уничтожения евреев Одессы. Несколько последних лет до своей безвременной кончины в 2008 году он работал над проектом Мемориала Бабьего Яра. Его проект получил наивысшую оценку. Но... не был реализован. Вроде бы нет уже государственного антисемитизма. И вот новый конкурс. Новый проект предложил одессит Михаил Рева. Огромный тахрихмис накрывает мемориал жертвам. Вновь победа в конкурсе. Но все та же "глухота паучья"...

Чем еще занимался Иосиф Юльевич Каракис в последние десятилетия своей жизни? С середины 50-х годов, когда социальная необходимость вошла в противоречие с эстетической, с высоким искусством архитектуры, талант Каракиса не мог с этим смириться. Даже в типовое строительство он вносил элементы, придающие этим однообразным домам что-то человеческое. Еще один отзыв из книги о Каракисе: "Стремился обеспечить максимальный комфорт жилища, Каракис как бы проследивал жизнь человека в проектируемой среде, обращая внимание на возможные потребности будущих жильцов и мельчайшие детали их поведения". Он проектировал и много строил и в поздние годы, причем не только в Киеве, но и в Ташкенте после землетрясения в 1966 году, и в Махачкале — школу, в которой была даже предусмотрена башня для занятий астрономией. Его знали за рубежом и обращались к нему с просьбой использовать его проекты.

Он был полон сил и замыслов, но в 77 лет его отправили на пенсию, так что девять лет, до кончины в 1988 году, он, как древнеримский консул Цинциннат, занимался своим садом, превратив его тоже в подлинное произведение садово-паркового искусства.

Уже гораздо позже, к его юбилейным датам, были проведены выставки, выпущены почтовые марки и другие мемориальные мелочи.

Главное он сделал сам — оставил прекрасную архитектуру.

Об этом замечательная книга Олега Юнакова. Путеводитель по городу Каракиса, не только биография человека, но и утверждение идеи о том, что в архитектуре нет второстепенного — все главное.

Каракис занимался планировкой такого города, легко дышало, в нем было бы много воздуха и света... ГЭС здесь упомянута не случайно. Как пишет Юнаков, в начале войны архитектором Каракисом в Ростове был создан проект машиностроительного завода, но немцы начали бомбить город на Дону, Каракис оказался в Средней Азии, где в Ташкенте строит цех, а потом реконструирует абразивный завод: "Всё для фронта, всё для Победы!" — как пишет О.Юнаков — "объемом 100000 кубических метров". Но главным сооружением Каракиса стала Фархадская ГЭС на Сырдарье, в Фархадских горах, опять же, как характеризует автор книги, один "из самых значительных объектов военного времени". Легко представить, в каких тяжелейших условиях войны шло это строительство... Приходилось "участвовать в авральных работах по осуществлению проектов жилых домов Фархадстроя (1943 — 1944)..."; и дальше: "Активно участвовал в сверхсрочном проектировании и стройке (всего за одну ночь) целой серии саманных домиков для жилых поселков". Война.

Невозможно в короткой рецензии на книгу не только написать обо всём, что было сделано этим зодчим, даже упомянуть самые известные его строения пришлось бы на нескольких страницах. Тем более что строил он не только в Киеве, не только в других городах Украины (жаль, что ничего не строил в Одессе), но и по всей некогда огромной единой стране. 4500 только школ было построено по проектам Каракиса в разных городах страны, пишет Олег Юнаков.

Строил в спокойные времена и в лихолетье. Окончив институт в 1929 году, он сразу же включается в процесс архитектурного проектирования и осуществления многих проектов.

Созданные И.Ю. Каракисом в тридцатые годы здания в духе ясного и функционального конструктивизма давно вошли в реестр памятников архитектуры Украины. Это и Дом Красной армии и флота, ныне Центральный дом офицеров Вооруженных Сил Украины, и здание ресторана "Динамо", и жилой квартал по улице Январского восстания (ныне улица И. Мазепы), и многое другое в других городах. Конструктивистские сооружения И. Каракиса ввели его имя в историю не только ар-

варианта решения, — пишет О. Юнаков. — Вариант, начатый строительством в 1932 году, был решен в стиле конструктивизма. Стену украшала горельефная композиция, на которой крупными буквами было обозначено наименование театра на идише: "Еврейский государственный театр". И дальше продолжает: "В 1934 году, когда Киев вместо Харькова стал столицей Украины, формы конструктивизма уже выходили из моды и подвергались критике. Строительство театра было прекращено".

В результате в 1935 году архитектуру пришлось разработать новый вариант фасада. На сей раз он обогатился эффектным портиком и обязательной советской символикой на капителях. В нишах разместили скульптуры мужчины и женщины в национальной еврейской одежде. И этого было недостаточно. К строительству Еврейского театра в последнем варианте приступили только в 1939 году. Но, как пишет Олег Юнаков, "...в постановлении Совета народных комиссаров УССР от 20 июня 1940 года "Про стан незаконченного театра в м. Києві, по Хрещатику, № 43" отмечалось, что дальнейшее строительство нерентабельно". А через год началась война.

История незавершенного строительства Еврейского театра в довоенном Киеве была не единственным обращением архитектора к еврейской тематике. Еще одна попытка возвращения к близкой Каракису теме — трагедия Бабьего Яра. Но к ней он обратился только в 1966 году. Не прошла для него бесследно "борьба с космополитизмом", машина государственного антисемитизма, особенно к концу 40-х, работала, как заведенная. Тема Бабьего Яра была наглухо закрыта властями. Но люди помнили. Страницы Олега Юнакова под общим названием "Конкурс на проект мемориала в Бабьем Яру (Киев)", пожалуй, из самых драматических в его книге.

Словно можно вычеркнуть из памяти людей такую трагедию. Уже в декабре 1941 года, через два месяца после начала расстрелов, киевлянка Ольга Николаевна Анстей пишет цикл стихотворений под названием "Кирилловские яры" (так часто в Киеве называли место Бабьего Яра из-за близости к Кирилловской церкви). Олег Юнаков приводит в книге одну строку из этого стихотворения: "Страшное место из страшных мест". Позволю себе написать еще две строки из этого стихотво-